

I. Феноменология М.В.Ломоносова в рецепции русской культуры. Вопросы русской литературы первой половины XVIII века

А.И.Иваницкий

Москва, РГГУ

Море в одической поэзии М.В.Ломоносова (К вопросу о феномене барочного классицизма)

В оде и эпосе Ломоносова и его младших современников барокко видится, как правило, неким «великолепием», дополняющим классицизм и утверждающим имперское величие России. Соответственно, барочный классицизм отличается от классицизма как такового поэтически, но не содержательно. Между тем, барочная компонента отражает *мироощущение* просветительской эпохи. Будучи плодом классицистического *мировоззрения*, барокко не преодолевает его, но согласует с бытийными потребностями коллективного сознания и в том числе властителя.

Образ моря в русской оде и эпосе XVIII века не только обнажает механизм перехода собственно классицизма в барочный, но и проясняет внутреннюю мотивацию этого перехода. Входя в оду как «универсалия», то есть жизненно необходимый элемент имперской геополитической доктрины, оно описывается в этом качестве средствами классицизма. То есть предстает равной себе компонентой рациональной картины мира, имеющей устойчивое значение и прагматическую ценность. Столь же устойчивыми значениями наделены и тропы, использующиеся при его описании. Однако в ходе описания тропы получают в оде Ломоносова и его последователей собственную образно-смысловую логику и энергетику, превращая море в фундаментальное внутреннее состояние природного и государственного мира.

Исходно выход к морю связывается в русской оде с надежной защитой от внешних врагов и прокладыванием морских торговых путей. Для этого

предстоит преодолеть сопротивление противников России в морских сражениях. Что и делает Петр Великий – в одноименной поэме Ломоносова «Строитель, плаватель, в полях, в морях Герой...» [Ломоносов 2009: 230]. Петр строит «...Здесь тверды крепости, здесь пристани и флоты, / Пристанище своим от врагов оплоты...» [Ломоносов 2009: 197].

Его трудами «...мир простерся над водами...» [Ломоносов 2009: 50], по которым уже в елизаветинскую пору, «...не боясь погоды, / С богатством дальны шли народы / К Елисаветиным брегам...» [Ломоносов 2009: 105]. А русские мореплаватели плывут во все концы земли: «...Язоны, Тиф<ю>сы, Алкиды, / В российской волю Амфитриды / ...Препятства, страхи презирают...» [Ломоносов 2009: 162].

Победы русского флота метафорически предстают умиротворением самого моря: «Вы, бурны вихри, не дерзайте / Подвигнуть ныне глубину...» [Ломоносов 2009: 68]; «...Утих свирепый вихрь в морях...» [Ломоносов 2009: 50]. В рамках классицизма этот перенос значения являлся сугубо риторическим. Однако эпитетное замещение моря «пучиной», бездной», «глубиной» и т. п. неявно превращает горизонтальное движение в «вертикальное»: «...Сквозь мглу ужасен вид нахмуренной пучины...» [Ломоносов 2009: 250]. Переплыть море означает пройти «пучину».

В свою очередь, натиск на морского врага метонимически переносится на защищаемые им морские рубежи. Так, российские корабли «...Вогнали ...велик в морски заливы страх, / Мутила чем боязнь Эвксинской понт в берегах...». А моряки – «к победам склонны дети, / ...От коих... / ...с Вислой черной понт, как сильных бурь, бежал...» [Ломоносов 2009: 219]; «Дунай от страха вспять потек, / Скрывает воды Прут под брег...» [Петров 1811, I: 52]; «Все воды превратить во слезы хочет Буг...» [Петров 1811, II: 114].

Страх вод переносится на «берега», которые формально обозначают населяющие их народы, но фактически – омывающее их море: «Берега Ботнийских вод трепещут...» [Ломоносов 2009: 51]. Эта новая метонимическая

связь «брегов» уже открыто утверждается А. Сумароковым [Сумароков 1781, I: 61]: «Балтийский берег днесь ощущает, / Что морем паки Петр владеет...».

С отдельных морских топосов натиск русских переходит на глубину моря в целом: «...Надменна бездна уступает, / Стеня от тягости судов...» [Ломоносов 2009: 57]; «Наполнится пучина страхом, / Попрутся и валы и ветр...» [Сумароков 1781, II: 110].

Метонимически замещая собою флот, Петр, по сути, направляет свое завоевательное движение в глубь моря. Обращение натиска на «пучину» как таковую превращает неявное олицетворение моря в демонстративную *аллегория*, знаменуемую соответствующими божествами: Нептуном, Тритонами, речными и морскими нимфами (наядами, nereидами и т. д.): «На грозный вал поставив ногу, / Пошел меж шумных водных недр / И, положив в морях дорогу, / Во область взял валы и ветр, / ...Подвигнул страхом глубину, / ...Тритоны вспели песнь ему...» [Сумароков 1781, I: 62].

Сухопутный натиск русской армии, следующей за своим вождем, метафорически также изображается направленным на море: «...Внимай, как юг пучину давит, / ...Касается морскому дну, / На сушу гонит глубину / ...Так росс противных низлагает...» [Ломоносов 2009: 56].

Покоряя море, Петр, в конечном счете, бросает вызов его повелителю: «...с трепетом Нептун чудился, / Взирая на российский флаг...» [Ломоносов 2009: 87]; «...Нептун познал его державу...» [Ломоносов 2009: 67]. Ср. у Сумарокова [Сумароков 1781, II: 149]: «...Твой флот уже в архипелаге: / Нептун скрывается в валах, / ...Тритон бежит во глубину...».

Следует иметь в виду, что в рамках оды море заимствовало русскую поэзией (а точнее, управляющей ею империей) в качестве не литературной, а общекультурной универсалии европейского «триумфального» барокко XVII – XVIII веков. Ода, как правило, подносилась монарху во время праздника и часто выступала своего рода «экфрасисом», описывая аллегорическую инс-

ценировку либо ее декорации¹. Эта общекультурная барочно-имперская топика моря неявно диктовала трансформацию его тропеических значений в русской оде.

«Пучина» предстает подводной преисподней: «...Обуреваясь, морские стонут чуды / ...Там томен движет свой хребет Левиафан...» [Петров 1811, II: 113]. Преисподняя оказывается предельной глубиной для «благородных» морских божеств: «...Нептун скрывается во аде...» [Сумароков 1781, I: 61]. И уже «земной» враг России – шведский флот – по смежности принимает на себя признаки глубоководного морского чудовища, побеждаемого Петром – новым «Нептуном»: «...чудовище огромно / Вспять движется уныло, томно, / Лишенно множества голов; / С трудом плывет, едва не тонет / ... Вдруг Этной разразясь, возстонет: / Нептун ударил в бок змия. / И часть его велика тела / На воздух с треском отлетела, / Далече окрест звук дая!» [Петров 1811, II: 61].

В результате Петр замещает Нептуна, который «...ему свой скиптр вручает / И с страхом Невский флот встречает, / Что мимо Белтских гор бежит...» [Сумароков 1781, I: 61]. Это рождает – соответствующий призыв к Елизавете: «Отец твой был Нептун, ты равна будь Фетиде...» [Ломоносов 2009: 222]. Ср.: «...Вижу на валах высоких / Нового Нептуна я...» [Сумароков 1781, II: 99].

Побежденный царь «пространныя пучины», двинувшийся на встречу Петру «Из глубины своей, где царствует на дне, / В недосыгаемой от смертных стороне...», предлагает своему преемнику построить в море новые города, то есть уравнивать и взаимно уподобить море и сушу: «”Твой, сказал, моря, над ними царствуй век... /...поставь в пучине стены...”» [Ломоносов 2009: 235]. Неслучайно Петербург является «свету страшн[ым] град[ом]» [Ломоносов 2009: 65], так как по сути, построен «в пучине» - «недосыгаемой от смертных стороне». Не случайно у Сумарокова [Сумароков 1781, II: 45]

---

¹ Гуковский Г.А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. М.-Л., 1936. С.13-14. Ср. статью Т.И.Печерской – «Историко-культурные истоки мотива маскарада»: [Сюжет и мотив 1998: 21].

именно Петербург выступает орудием покорения моря: «...Тритоны в окияне тонут, / ...О коль ты грозен, Невский град!».

Покорив море, Петр остается повелителем суши: «Пучина власть его познала, / И *вся* земля вострепетала...»; «...морем паки Петр владает, / И вся под ним земля дрожит...» [Сумароков 1957: 61-62]. Поэтому, переняв новую морскую силу своего патрона – нового «Нептуна», русская армия и в сухопутных битвах подобна морской буре – уже обращенной на сушу: «...Как волны на крутой теснятся дружно брег ...» [Ломоносов 2009: 255]. Вновь обретенную «амфибийность» воинства Петра выражает глагольная метафора «течь»: «*Уже* и морем, и землею / Российско воинство течет...» [Ломоносов 2009: 55] (здесь и далее – курсив мой: А.И.); «... россов мужество в походы / Течет противников терзать; / И роет чрез *поля и воды*...» [Ломоносов 2009: 28].

В свою очередь, русский флот подобен наземному «грозному исполину», который: «...Бежит в свой путь с весельем многим... / Ступает по вершинам строгим, / ...Вьет воздух вихрем за собою; / Под сильную его пятою / Кремнистые бугры трещат, / И следом дерева лежат... / ...Так флот российский в Понт дерзает, / Так роет он поверьх валов...» [Ломоносов 2009: 57].

Таким образом, метонимическое выражение побежденного шведского флота морем или заливом, где он был побежден, неявно олицетворяет море в качестве самостоятельного супостата русского царя. Неявное олицетворение делает явным аллегория, в рамках которой русский царь превращается в повелителя моря – «нового Нептуна». После чего послушное новому патрону море в качестве метафорического предиката наделяет «морскими» / амфибийными свойствами соратников монарха.

Прагматика морской экспансии связала в оде моря в один образно-смысловой узел с ведущими к ним реками: «... великая Двина... / Сливаясь в сонм един со *безднами* морскими, / Открыла посреде играющих валов / Других всех прежде струй пучине зрак Петров...» [Ломоносов 2009: 230-231].

Именно реки лежат в центре прославляемого одой рукотворного переустройства Натуры. По воле монарха они текут вспять от морей, вглубь страны – меняя фундаментальные отношения моря и тверди: «...Великая Елисавет / ...глубине повелевает / В средину недр земных вступить! / ...Текут из моря в землю реки, / Натуры нарушив предел!...» [Ломоносов 2009: 108-109].

Петр не только разворачивает реки, но и связывает между собою: «...О реки близкие, но прежде разделенны, / Ликуйте, тщанием Петровым сопряжены...» [Ломоносов 2009: 250].

Рукотворная «премена» (разворот) рек дает новые основания для олицетворения морской и речной воды - текущей навстречу царице уже по собственной воле: «... Амур / В зеленых берегах крутится, / Желая паки возвратиться / В твою державу от Манжур...» [Ломоносов 2009: 96]; «... Хребты полей прекрасных, тучных, / Где Волга Дон и Днепр текут... / Тебе обильны движут воды...» [Ломоносов 2009: 143]; «...К тебе от восточных стран спешат / Уже американски волны / В Камчатской порт, веселья полны...» [Ломоносов 2009: 59]. Фактически моря вслед за реками разворачивают свой путь и свою роль. Они больше не «питаются» впадающими в них реками, но несут их в центр страны, питая ее и царицу.

Двигаясь естественным путем, река воюет на стороне нового Нептуна: «...Вливаясь в Понт, Дунай ревет / ...Ярсь волнами турка льет...» [Ломоносов 2009: 29]. И, в конечном счете, опять-таки течет *навстречу*: «...Разливы Невские на устьях шумят / И течь россиянам во сретенье хотят...» [Ломоносов 2009: 257].

Подобно рекам, навстречу монарху «текут» подданные: «Как с солнцем восстают к брегам Индейским воды, / Так в устья Невские лились к Петру народы...» [Ломоносов 2009: 224]. «Слияние» людей к царице концентрирует в себе устремленность рек, на которых те обитают: «Россия сдвиглась в малый круг / От Вислы, от берегов Днепровских, / От Двинских и Каспийских вод, / Слиялся в сонмы Твой народ...» [Херасков 1796-1803, VII: 200].

Ту же природу центростремительного течения получает и поэтический восторг: «...Пермесским жаром я горю, / *Теку* поспешно к оных лику...» [Ломоносов 2009: 25].

Завоевание морей и обращение рек навстречу монарху суммируется в общем зачарованном внимании и послушании натуры: «...Восток и Океан его послушен слову...» [Ломоносов 2009: 257];

- и ее *восторге*: «Всегдашним льдом покрыты волны, / Скачите нынъ, веселья полны, / В берегах чините весел шум...» [Ломоносов 2009: 33]; «...Возвеселясь, подвиглось море / И к звуку приложило шум...» [Ломоносов 2009: 108].

Восторг подданных носит опять-таки «водный» характер: «...Всего народа весел шум, / Как глас вод многих, вверх восходит...» [Ломоносов 2009: 47]; «Несчетно множество народу / Гремящу представляет воду, / Что глас возносит к небесам...» [Ломоносов 2009: 151]; «Желания во всех, как тихих волн игра...» [Ломоносов 2009: 151]. У М. Хераскова [Херасков 1796-1803, VII: 87, 125] – «... как в морях шумящих волны, / Гласят сердца, весельем полны, / Екатерину до небес»; «...весельем грады полны, / Подобно как шумящи волны». Ср.: «...как бурны в море волны, / Восколебался твой народ... / Гремящих звуков стогны полны, / Повсюду шум, как гласы вод...» [Костров 1802, I: 71].

Это обуславливается и тем, что ликующие народы империи метонимически связаны не со своими землями, а с омывающими их водами: «...различные языки / От рек великих и морей / Согласные возносят клики / К тебе, монархине своей...» [Ломоносов 2009: 83-84].

Восторг мореходов формально метонимически выражается водами, а фактически передается им – ликующим вместе с людьми и подобно им: «...Покрыты кораблями воды / И грады, где был прежде лес, / Возвысят глас свой до небес...» [Ломоносов 2009: 62]. Единство водного и людского восторга осуществляется реализацией этимологического значения «рукоплескания» как подобия плеску воды. Последний демонстративно превращается в

«руко-плескание»: «...Тебе от верной глубины / Руками плещут воды белы...» [Ломоносов 2009: 144]; «Брега Невы руками плещут...» [Ломоносов 2009: 51]; «Руками, реки, воспещите...» [Ломоносов 2009: 58]. В свою очередь, ликующие люди плещут подобно водам и вместе с ними: «...А вам, дражайшие супруги, / Вам плещут ныне лес и луги, / Вам плещут реки и моря...» [Ломоносов 2009: 116].

Всеобщий «плеск» природы также разворачивает метонимическое значение берега, который означает уже не населяющий его народ, а омывающие его воды. В приведенном выше примере «Брега Невы руками плещут...» фактически Нева рукоплещет через свои брега. Ср.: «...Там плещут Невские берега, / Низвергнув дерзкого врага...» [Ломоносов 2009: 137].

Нимфы не только превращают восторг воды в аллегорию, но и наделяют водной природой восторг поэтический: «...Кастальски нимфы ликоствуют... / ...И движут плесками Парнас...» [Ломоносов 2009: 71]; «...Пермесски воды, ликоствуйте, / Шумя крутитесь в зланный дол...» [Ломоносов 2009: 153]. Который, в конечном счете, оказывается высшим воплощением «плеска» природы: «...Се глас мой звучно повторяют / Земля, и ветры, и валы!» [Ломоносов 2009: 105]; / «...Чтоб воздух, море и земля / Елисавету возглашали... / Моей бы лире подражали...» [Ломоносов 2009: 47].

Кульминация восторженного течения воды навстречу царице – ее устремление вверх: «...Великой в похвалу богине / Я воды обращаю к вершине, / Речет: и к небу устремлю» [Ломоносов 2009: 102]. Реки и «довлеющие» им берега соединяются в «плеске», устремленном вверх: «Струи московских рек разыграют, / Воскликнут радостно брега / ... И плеск проникнет облака...» [Сумароков 1781, II: 81].

В свою очередь, народный «...плеск на небеса стремится, // Как шум от сонма многих вод» [Майков 1966: 206]. Ср.: «...новых плесков звуки // Восходят спешно к облакам» [Костров 1802, I: 44].

Центростремительное единство морских и людских плесков замыкает на себе Петербург – столица, построенная в «пучине». Локализация в про-

странстве морской столицы обращает «плеск» вверх: «...Петровы возвышали стены / До звезд плескание и клик!» [Ломоносов 2009: 86]. Этому же способствует и подобное воде «стечение» столичного народа «в едину стогну»: «...жаром воспаленный / Стекался здесь российский род, / ...Тогда великий град Петров / В едину стогну уместился, / ...Чтоб плеск всходил до облаков...» [Ломоносов 2009: 94].

Восторженное устремление воды вверх, однако, уравнивается и динамически продолжается таким же ее движением вниз: «Сугубым ревом там и пеною порог / Стремится к низу, чтя монарших святость ног...» [Ломоносов 2009: 196].

Восторженное устремление вод у царице делает ее самой питающей рекой. Это также происходит через цепочку метонимических сдвигов. Царица – «...Седми пространных морь берегов / Надежда, радость и богиня...» [Ломоносов 2009: 33]. С берегов власть царицы по смежности переходит на моря, и «...благодарение...» в одноименной оде адресуется уже «Владычице российских вод» [Ломоносов 2009: 100]. Которая, в свою очередь, преобразуется в олицетворенную реку. Вначале – неявно: «Владеешь нами двадцать лет, / Иль лучше, *льешь* на нас щедроты...» [Ломоносов 2009: 132]; «...От ней текут на нас щедроты...» [Ломоносов 2009: 77]. А затем открыто уравниваясь с рекой: «...Ты суд и милость сопрягаешь, / ...Так Нил смиренно протекает; / Берегов своих он не терзает, / Но пользой выше прочих рек: / Своею сладкою водою, / В лугах зеленых пролитою, / Златой дает Египту век...» [Ломоносов 2009: 82-83].

В этом царица преемственна Натуре, которая «Сосцами реки проливает / И теми всяку тварь питает...» - прямо объявляя свое «претворение» в царицу: ««Я с вами ныне торжествую, / ...Что героиню таковую / В сей день произвела я в свет. / В ней хитрость вся моя и сила / Возможность крайнюю положила...» [Ломоносов 2009: 81].

«Речная» природа царицы передается, в свою очередь, ее державе: «Да возрастет ее держава, / ...Как ток великия реки / Чем дале бег свой простира-

ет, / Тем больше вод в себя вмещает / И множество градов поит; / Разлившись, на поля восходит... / И жатвы щедро богатит» [Ломоносов 2009: 79].

Этот переход также является «ступенчатым». «Излияние» царицы – «реки» на державу продолжается течением рек в качестве вестников русского золотого века вечной весны: «...О чистый Невский ток и ясный, / ...Промчись до шведских берегов, / И больше устраши врагов, / Им громким шумом возвещая, / Что здесь зимой весна золотая... / Замерзлым жизнь дает водам...» [Ломоносов 2009: 59]; «Пермесски воды... / Вы в реки и в моря спешите / И нашу радость возвестите / Лугам, горам и островам...» [Ломоносов 2009: 153].

Центробежное течение реки к морю соединяет весть с ликованием: «...Ты к морю в празднестве стремишься, / Цветущий славою Цвейтин. / ...До Зунда шум твой распрости...» [Ломоносов 2009: 146].

В качестве вестников российского золотого века мореплаватели фактически продолжают соответствующую энергию речных и морских вод: «Мы ... / ...знак щедрот твоих восставим, / Где солнца восход и где Амур... // ...Колумб российский через воды / Спешит в неведомы народы / Твои щедроты возвестить...» [Ломоносов 2009: 90].

Подвластная и преданная русскому монарху влага способствует его плаванию: «...Там влажный флота путь белеет, / И море тщится уступить...»; «Уже белея Понт перед Петром кипит, / И влага уступить, шумя, ему спешит...» [Ломоносов 2009: 90, 231]. Борей – «...отворяет ход меж льдами / Дать воле путь в восток твоей, / Чтоб Хины, Инды и Яппоны / Подверглись под твои законы...» [Ломоносов 2009: 144].

И усугубляет помощь ликованием: «...Тритоны с нимфами там громко восклицают / И Амфитриты путь российской прославляют...» [Ломоносов 2009: 144].

В конечном счете, вся жизнь россиян обращается в героическое мореплавание вслед за царицей: «...Твои щедроты ободряют / Наш дух и к бегу устремляют, / Как в понт пловца способный ветер / Чрез яры волны порывает;

/ Он брег с весельем оставляет; / Летит корма меж водных недр...» [Ломоносов 2009: 86].

Достигнув кульминации, центробежная устремленность вод и наделенных их энергией людей делает миротворческую экспансию России разливом моря: «...море нашей тишины / Уже пределы превосходит, / Своим избытком мир наводит, / Разлившись в западные страны...» [Ломоносов 2009: 94-95] – или океана: «...Кто ход его остановит? / Как Океанских вод разливу / На встречу кто поставит щит?...» [Ломоносов 2009: 156]. Излиянию на мир в качестве «моря тишины» предшествует распространение России за моря: Елизавета - «...Богиня, коея державу / Обнять не могут семь морей...» [Ломоносов 2009: 47].

Таким образом, из объекта умиротворения море превращается сначала в вассала России и царицы, - а затем во внутреннюю форму и состояние русского государственного мира, обеспечивающей его безграничный разлив во вне.

* * *

В русской хвалебной оде море путем «избыточных» и взаимных уподоблений суше превращается из арены русских побед над врагами в объект этих побед, а русский царь – в нового повелителя моря. Основным путем выступает превращение моря из предиката метонимии в субъект сначала олицетворения, а затем аллегории. Олицетворяя реки, рукотворно обращенные или соединенные по воле монарха, ода делает их вассалами и «внимателями», соратниками и помощниками, «восторгателями» и вестниками царя или царицы. В конечном счете, влага становится внутренним состоянием русского, а затем и земного мира в целом.

В «мобилизованных и призванных» государством русской оде и эпосе барокко не замещает собою классицистический рационально-государственный порядок, а осуществляет его в «витально – динамической» и игровой форме водной феерии. В результате мир, геометрически расчерченный классицизмом, уже не рас-пространяется от человека, а объемлет его

в виде сферы. Став гомогенным и «текучим» по горизонтали и вертикали, он делает монарха олицетворенным средоточием упорядоченного центробежного / центростремительного движения вод. А его подданных – субъектами движения по этим водам.

Номинально выступая от имени «народа», одописец фактически озвучивал самооценку монархии. Поэтому в целом барочный классицизм, очевидно, возрождал мифологические, бытийные мотивы построения модели мира человеком, «телесно» осваивающим этот мир себе и себя в нем.

Литература

- Гуковский Г.А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. М.-Л., 1936.
 Костров Е.И. Сочинения. СПб., 1802. Т.1-П.
 Ломоносов М.В. Избранные сочинения. М., 2009.
 Майков В.И. Избранные произведения. М.-Л., 1966.
 Петров В.П. Сочинения... СПб., 1811. Т.1-3.
 Сумароков А.П. Избранные произведения. Л., 1957.
 Сумароков А.П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. М., 1781. Т.1-10.
 Сюжет и мотив в контексте традиции. Новосибирск, 1998.
 Херасков М.М. Творения... М., 1796-1803. Т.1-12.

С.А.Сионова

Елец, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Роль личности М.В.Ломоносова и его поэзии в творческой биографии М.Н.Муравьева

Значение личности и поэтического влияния М.В.Ломоносова на жизнь и творческую биографию М.Н.Муравьева несомненна. Об этом свидетельствуют архивные записи Муравьева, его поэтические признания в стихотворениях.

Архивные изыскания позволяют в определенной степени дополнить наше представление о жизни и поэтическом творчестве Муравьева. Так, запись на титульном листе №27 свидетельствует о биографических данных поэта, его первых шагах на литературном поприще:

1757. Смоленск, окт.25.